

Шварц Морис Абович

Шварц Морис Абович, 1894 г. р., уроженец г. Ковно (Литва), еврей, член ВКП(б) в 1920–1936 гг., директор фабрики им. Мюнценберга, проживал: г. Ленинград, ул. Каляева, д. 21, кв. 5. Арестован 22 декабря 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Ленинград 9 мая 1937 г. приговорен по ст. ст. 58-7-8-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 10 мая 1937 г.

НЕМНОГОЕ, ЧТО Я ЗНАЮ О СВОЁМ РАССТРЕЛЯННОМ ДЕДУШКЕ

Отец моего деда, Мориса Шварца, был бондарем на Каунасской пивоварне. Дедушка стал рано работать учеником портного, вступил в Бунд. Убогость окружающей жизни и преследования полиции вынудили его искать удачи в других краях. Он эмигрировал, жил в Германии. Первая мировая война застала его во Франции, он вступил добровольцем в Русский экспедиционный корпус и вместе с ним вернулся в Петроград – в роковом Октябре, подоспев как раз к взятию Зимнего. Принимал в нём участие, стал большевиком. Женился на Любви Рубиной и вместе с ней ушёл воевать против белых. В Сибири, прямо в действующей армии, у них родилась дочь Дина, моя мама. Её возили вслед за маневрирующими красными полками в детской коляске, к которой была привязана курица – единственное их имущество. Впрочем, у них была ещё собачка, которая во время очередного стремительного переезда потерялась, сама примчалась на вокзал и долго бежала по рельсам за уходящим поездом, о чём дедушка и бабушка с болью вспоминали многие годы.

По окончании боевых действий семья вернулась в Петроград. Дедушка пошёл работать портным, быстро стал мастером, потом его «выдвинули» – он стал директором швейной фабрики им. Мюнценберга. Параллельно учился в Промакадемии. Все вспоминают его как весёлого и доброго человека.

22 декабря 1936 года (в возрасте сорока одного года) он был арестован. Его средняя дочь, Роза Морисовна Шварц (Панфилова) вспоминает: «Папа пришел с работы с двумя людьми в штатском. Обыск продолжался до глубокой ночи. Были перерыты все книги, мягкие вещи, фотографии, переписка. Папа всё время сидел в углу, на диване, молча. Мама плакала. Когда папу уводили, он стал обнимать, целовать нас и сказал только: “Не плачьте, я скоро вернусь”. Больше ничего не сказал, эти люди в штатском его увели». Формально, он был арестован по доносу одной из работниц фабрики: она сообщала о том, что он злодейски сократил длину юбочек, заказанных на фабрике для участниц первомайского парада. Но на самом деле это были «плановые» волнообразные аресты директоров фабрик, назначенных Кировым, – сегодня одной отрасли, завтра другой.

Он был расстрелян в мае 1937 года, но семья узнала об этом уже после реабилитации, все эти годы, вопреки всему, ждала его возвращения. Его жена имела неосторожность написать в начале 1937 года письмо Сталину, видимо, не совсем в том духе, в каком можно было обращаться к Другу детей и физкультурников. Она осмелилась упрекать его в несправедливости. За ней пришли летом того же года и увели на глазах у трёх дочерей, старшей из которых, Дине, было около 16 лет. Она запомнила, что когда полуодетую, вытащенную среди ночи из постели мать уводили, красноармеец, стоявший у печки на карауле, строил ей глазки. Девочек удочерила сестра арестованной, Берта Израилевна Рубина, которую за этот неосторожный поступок сразу же исключили из партии и только чудом оставили работать. Она и вырастила всех на свою жалкую зарплату химика-лаборанта. Попытки узнать хоть что-нибудь об участии родителей не удавались. Только через два года бабушке разрешили

написать детям. Она прошла тюрьмы, лагерь, ссылку, тяжело заболела там и приехала умереть в родной город в 1950 году.

В 1947 году Роза Шварц ходила в Управление НКВД на Чайковской. Её принял днём в затемнённой комнате некто в штатском, он зловеще-весело сказал ей, что раз приговор «десять лет без права переписки», значит скоро вернётся. Она возразила: «Десять лет уже прошло». – «Вот и вернётся скоро», улыбаясь, ответил тот.

Такова вкратце чудовищная история гибели моих бабушки и дедушки, жуткая отчасти именно своею типичностью – тем, что подобное происходило, как в дурном сне, с миллионами других людей.

Елена Шварц, поэт, С.-Петербург, 1999

Дело М. А. Шварца началось со справки на арест, составленной по показаниям Тимофея Ивановича Грехова – начальника 3-го цеха фабрики им. Мюнценберга, арестованного экономическим отделом УНКВД ЛО «за систематическую контрреволюционную агитацию среди рабочих».

Вместе с Греховым 3 октября 1936 г. были арестованы сменный мастер того же цеха Антонина Ивановна Куликова и инспектор по качеству цеха № 3 Александр Фёдорович Соколов. От Грехова каким-то из многочисленных изошёренных способов добыли признания в том, что членами террористической организации на фабрике являются: её директор М. А. Шварц, начальник 4-го цеха М. Б. Гутман, начальник 2-го цеха М. П. Шерин, начальник ПВО Танхум Аронович Брук и зав. складом Генух Залманович Левин.

21 декабря 1936 г. врид Военного прокурора ЛВО Дмитриев дал санкцию на арест нововыявленных «террористов». Ещё раньше в связи с этим делом были арестованы бывший зам. директора фабрики им. Мюнценберга С. А. Мензило и нач. утильцеха фабрики К. Г. Стрейжис.

Ни в одном из протоколов допросов и очных ставок М. А. Шварц не подписал признание в своей виновности. Это очень редкий случай, учитывая безграничные возможности НКВД в фальсификации протоколов следствия. По окончании следствия М. А. Шварцу предъявили обвинение в том что он являлся участником организации, убившей Кирова, создал филиал этой организации у себя на фабрике, «руководил террористическими группами по подготовке совершения террористических актов над т.т. Сталиным, Ворошиловым и Ждановым», Ну и, конечно, попутно, «проводил вредительскую работу на фабрике».

В протоколе судебного заседания Выездной сессией Военной коллегии зафиксировано: «Подсудимый Шварц виновным себя не признал и отрицает все показания против него».

Т. И. Грехов в судебном заседании отказался от своих показаний, заявил, что считает их «неверными, т. к. в момент дачи этих показаний он был недостаточно здоров в умственном отношении».

По делу «контрреволюционной организации» в швейной промышленности Ленинграда 9 мая 1937 года в 1 час 35 минут ночи были расстреляны: М. Б. Гутман, М. П. Шерин, А. Ф. Соколов, С. А. Мензило, а также бывший управляющий трестом «Ленинградодежда» Л. С. Аграновский и бывший директор текстильной фабрики им. Желябова С. Н. Бограчев.

10 мая 1937 г. в 12 часов 35 минут были расстреляны К. Г. Стрейжис, Т. И. Грехов и М. А. Шварц.

Генух Залманович Левин был осужден 8 мая той же Выездной сессией Военной коллегии по ст. ст. 17-58-8; 58-11 на 10 лет тюремного заключения; по отбытии наказания 4 января 1947 г. Особым совещанием при МВД СССР был сослан на 5 лет, а 19 июля 1950 г. сослан на поселение в Красноярский край Особым совещанием при МГБ СССР с поглощением предыдущего постановления.

Дела Куликовой и Брука были выделены в отдельное производство.

Все осуждённые по делу «контрреволюционной организации» в швейной промышленности Ленинграда реабилитированы Военной коллегией Верховного суда СССР в 1957 г.

Анатолий Разумов